

Дорога к искусству фехтования

Ванде Мацевской посвящается

О чем эта книга

*“Талант развивается из чувства любви к делу,
возможно даже, что в сущности его и есть
только любовь к делу, к процессу работы”
/ М. Горький /*

Многие знаменитые фехтовальщики прошлых веков посвящали искусству фехтования всю свою жизнь. **Maestro di Scherma** (итал.), **Fechtmeister** (нем.) — мастер фехтования. Это не просто профессиональный фехтовальщик. Это человек, который свой опыт смог передать многим другим. И его мастерство продолжает передаваться сквозь века благодаря опубликованным трактатам и его последователям. Это звание человек не присваивает себе сам, оно ему дается теми, кто разбирается в его мастерстве.

Мы расскажем вам о нашем учителе, учредителе студии европейского историко-сценического фехтования «Силуэт», о **Мацевской Ванде Владимировне**.

Студия историко-сценического фехтования «Силуэт» г.СПб 2015

Глава 1-я: Из воспоминаний Ванды Владимировны

“Всякий человек есть история,
не похожая ни на какую другую”
/ А.Каррель /

Долгая дорога в “Силуэт”

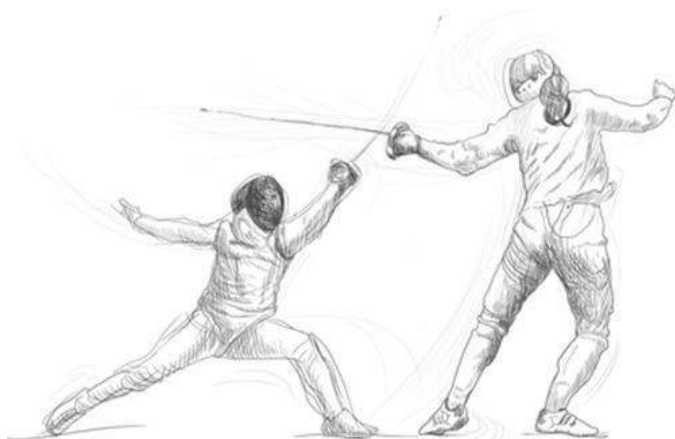
Часть 1-я

Автору этих строк никогда не хотелось ничего записывать, ничего говорить о том, чем пришлось заниматься на протяжении всей жизни и о том, как детское увлечение мушкетерской тематикой переросло в серьезное изучение, а впоследствии и в освоение на практике одного из замечательных искусств в европейской культуре — искусства фехтования. Но время идет, вот уже 40 лет минует с того дня когда мне впервые пришлось соприкоснуться с фехтованием, тогда еще только спортивным. За эти десятилетия многое пришлось узнать, многое пережить, многому научиться и кое-кого уже и обучить. И вот теперь мои друзья, которые являются (по большей части) и моими учениками на поприще владения клинком, единогласно даже не просят, а уже требуют настойчиво — пишите!!

Что ж, видимо настало время взяться за перо, хотя рука моя более уверенно владеет клинком шпаги или сабли, а в жанре эпистолярном ей нелегко. Но возраст диктует свои условия; то, что не так давно было сделать легко, теперь выходит не менее точно и четко, но усилий физических стоит больших. И наступает момент, когда все, что было известно лишь мне, следует донести до тех, кто может еще и не имеет пока отношения к благородному и древнему искусству фехтования. В данном случае я имею ввиду искусство фехтования европейского типа в период его наивысшего практического расцвета — эта века 16, 17 и 18. После чего фехтование приобрело оттенок занятия спортивного и реже — искусства сценического, как неотъемлемой части театральной практики. Хотя, заметим, актеры старой школы фехтовали неплохо. До недавнего времени, во всяком случае у нас в СССР и позже в России, фехтование и определялось, как занятие либо чисто спортивное — имеющее свои законы и правила, либо как сценическое — где тоже существуют свои строгие рамки.

Но если заниматься спортом в фехтовании (спортивным фехтованием) было для нас вообще-то делом доступным и требовалось лишь найти подходящую секцию, то заниматься фехтованием сценическим могли лишь единицы из десятков тысяч, т.к. изучение этой дисциплины было возможно лишь в театральных вузах. Увы, но среди студентов этих вузов мало было тех, кому изучение искусства фехтования нужно было более всего остального, поэтому и изучали так, чтобы только экзамен сдать и забыть, да и

программа была очень ограниченная — едва ли 90-100 часов всего-то, это в лучшем случае. И естественно, что двери театральных вызов были крепко закрыты для тех, кто не был ни студентом театрального вуза, ни актером, а просто хотел изучить фехтование не с сетчатой защитной маской на голове, а в костюме с широкополой шляпой и в ботфортах, издающих мелодичный звон шпор. Такому энтузиасту требовалось приложить множество усилий, чтобы обрести простую возможность заниматься любимым делом, всей сложившейся обстановке вопреки. Одним из таких энтузиастов и был автор этих строк.

Великое искусство фехтования становится от нас тем отдаленнее, чем больше в атмосферу поединка пусть условного-спортивного, проникают всякого рода технократические новшества — провода, кнопки, розетки, лампочки — словом все то, без чего само фехтование существовало сотни лет и ничуть хуже не становилось. «Технократия погубит благородное и красивое искусство владения холодным оружием!» — такие слова или что-то

похожее в этом смысле часто повторял человек, который значил для меня много — мой дед. Был он военным генералом, еще фронтовым. Но еще раньше в далекие времена был он царским офицером — лихим наездником и хорошим фехтовальщиком, имевшим опыт кавалерийских сабельных схваток с австро-венгерскими гусарами, о которых отзывался, как о фехтовальщиках не совсем лестно — «фанфароны, а в рубке не очень». Именно дед привил мне любовь к благородному искусству владения клинком, ему я обязана своему первому серьезному опыту работы клинком без маски.

Возможности заниматься классическим (т.е. не ориентированным на достижение спортивной победы любой ценой) фехтованием в советской стране для подростка 13 лет не было. Существовали, конечно детские спортивные секции, но там царил чисто спортивный прагматизм. А мне хотелось романтики. Мушкетеры, Фан-Фан Тюльпан, герой фильма «Гусарская баллада» — все они разве в масках с проводами фехтовали?!

Можно, конечно было со временем поступать в театральный институт, где преподавали сценическое фехтование, но поступить туда ради самого лишь фехтования было делом долгим и несбыточным. Актрисой я себя не представляла. Помог дед. Он пошел со мной в СКА, что был у цирка, на Кленовой аглее. Там он с кем-то переговорил и после экзаменовки по общефизической подготовке я стала посещать занятия фехтованием на рапирах у довольно сильного тренера-рапириста К.П.Туманова. Исполнилось мне тогда 14 лет.

Тренер Туманов был человеком жестким и в жизни и в фехтовании. Учил азам безжалостно, добиваясь идеального исполнения движений, стоек, позиций и комбинаций. Он был фехтовальщиком, чьи движения не были изуродованы электрификацией фехтования, поэтому мне удалось приобрести довольно элегантный стиль ведения боя. Если говорить о классике фехтования, то на занятиях у

К.П.Туманова. Элементы старого фехтования перемешивались со спортивной электрической новизной. Со временем у меня появился некоторый опыт и я стала сама анализировать фехтовальную реальность.

С одной стороны от меня требовали четкой классической техники движений, исполнения каждого приема с нанесением укола в технике «арроуе» — удержание клинка секунды две на поражаемой поверхности противника. (Это красиво и элегантно, было есть и будет во все времена). Но с другой стороны вся эта классика в бою на дорожке не очень помогала. Чтобы уколоть в грудь противника вовсе не надо было сгибать клинок в уколе — электрофиксатор наконечника срабатывал при легком прикосновении. Да и время нанесенного укола учитывалось в 1\24 секунды. Многие «уходили» от классики к прагматизму — ткнуть побыстрее «навстречу» и не вязать долгих комбинаций. Ведь в спорте один критерий — победа, а победителей не судят...

Кроме того, вся эта возня с электрооборудованием фехтовальщика мне была отвратительна, а заняться неэлектрофицированной саблей я не могла — женской сабли еще не было нигде, только рапира. Прозанимавшись у Туманова 3 года я вынуждена была оставить спорт из-за перелома ноги. Это стало ключевым моментом в моей фехтовальной жизни. После травмы я не то что спортом заниматься не могла — ходила с палочкой долго.

*«Люди не рож даются,
а становятся теми, кто они есть.»
/ К.Гельвеций /*

Часть 2-я

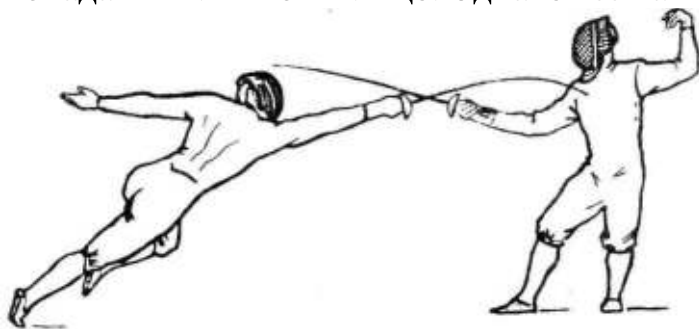
Тут мне дед помог еще раз. Был у него трофейный австрийский тесак времен I-й Мировой. Вот этим то тесаком (а мне он тогда казался настоящей саблей) мне дед и предложил заниматься с целью изучения сабельного боя. Так как дело это носило крайне незаконный характер, то занятия проходили дома при закрытых дверях и шторах. Вот тут-то я и узнала разницу между спортом и настоящим фехтованием на сабле. При определенном сходстве спортивных и боевых приемов, движения саблей меня просто обворожили. Они были не надуманы, точны и сильны, при этом удивительно элегантно. Такого я никогда в спорте не видела, зато видела много раз в любимых фильмах. И не надо никаких театральных институтов с недоступными педагогами по сцен-движению. Если уж мой деду в рубке на саблях с венграми сумел выстоять и ни разу раны не получить — то наверное лучше учиться сабельному бою у него и только у него!! И хромота моя в этом деле не мешала нисколько. Я занималась с таким желанием, что схватывала все на лету. Дед срезал на улице в кустах прутик и этим прутом бил меня, а я саблей должна была обороняться (саблей, конечно был тесак). Так мы занимались с дедом не один год. Потом деду заболел и занятия наши прекратились к моему глубокому сожалению. Это был конец «первого действия».

Период перерыва в занятиях фехтованием совпал с окончанием средней школы и подготовкой к поступлению в ВУЗ. Но как бы ни была я занята всеми этими важными делами, при первой возможности я старалась если не развивать свои навыки в сабельном фехтовании, то хотя бы поддерживать себя в надлежащей форме. На счастье один из моих друзей-одноклассников заинтересовался идеей фехтования без маски, не без моего влияния, конечно. Так как дедов тесак мне было не разрешено использовать, то приходилось

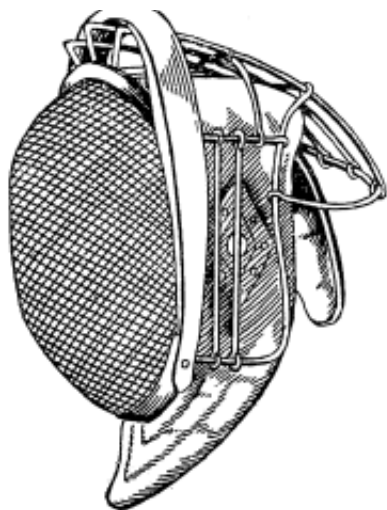
использовать два спортивных эспадрона, которые я и мой напарник приобрели в спортивном магазине в разделе уцененных товаров. Эспадроны были вполне приличные, но на металлических частях был легкий налет ржавчины, что переводило эти товары в разряд некондиционных товаров. Так как и я и мой напарник были еще неработающими гражданами, то единственным источником финансов на приобретение эспадронов были деньги, сэкономленные на школьных обедах. По выходным дням мы встречались и ехали в отдаленные уголки Удельнинского парка. Благо я жила у самого Финляндского вокзала, поездка в то время ходила очень часто, а парк был всего в двух остановках, что делало проезд к месту наших занятий быстрым и дешевым.

Со временем мой товарищ по занятиям стал равным мне по подготовленности в технике освоения защит и под консультативным надзором моего деда мы перешли к освоению системы много-темповых импровизаций по принципу парадно-рипостных упражнений. Мы брали секундомер и 1-1,5 минуты должны были без остановки и срыва темпов фехтовать поочередно атакуя друг друга по всем уровням. Уколы мы практиковали также как и удары, но только по уровню корпуса, что уменьшало возможность попадания клинком в лицо. Однако все-таки случился неприятный казус. Я,

памятуя о своем спортивном прошлом, показала своему товарищу как делать флешь-атаку (это уродливое новшество века 20-го в фехтовании). Внешне этот бросок выглядел весьма эффектно, однако мы не учли, что эта техника пригодна только для спортсменов с

защитной маской на лице; мой товарищ, практикуя однажды флешь-атаку, не смог остановиться и налетел лицом на мой клинок, которым я, впрочем, даже не атаквала. Чудом не пострадал глаз моего товарища. Флешь-атака далее была исключена из нашего арсенала, как впрочем и скачок вперед. По поводу произошедшего мой дед, которому было уже за 80 лет сказал, что в его годы (т.е. в начале 20-го века) такими неразумными атаками не наступали, да и не учили этому никого. Все это «новаторство» — плод чисто спортивной манеры фехтования и к настоящему искусству владения клинком, по его мнению (которое я до сих пор считаю авторитетным), не относится.

Тем не менее, с первой своей зарплатой и я и мой товарищ приобрели две сабельные маски. Которые стоили 12 рублей, что по тем временам равнялось стоимости дорогих модельных туфель. С масками на голове мы работали клинками по тем же правилам, что и раньше, но теперь были застрахованы от внезапных неожиданностей. Однако, касание клинком маски разрешалось лишь мулинетным рубящим ударом, а колоть в маску по-прежнему мы считали ненужным, и даже вредным. Такая условность впоследствии легла в основу трюкового фехтовального боя на исторических саблях, но это было на много лет позже, чем описываемые здесь события.

Но вот моего товарища призвали в армию и я осталась без напарника по фехтованию. Заметив мою грусть по этому поводу дед (я жила с дедом и бабушкой, отдельно от родителей) предложил на период отсутствия моего напарника обратиться к теоретической базе исторических школ фехтования. Но не было тогда ни компьютеров, ни интернета, ни каких-либо иных полей информации, где эту тему можно было найти. Единственным источником, как справедливо заметил дед, была наша публичная библиотека, где в недрах ее хранилищ несомненно была нужная информация. Так как лицам без диплома посещать это книгохранилище было почти невозможно — пришлось мне стать работником этой знаменитой библиотеки. Со временем я освоилась там и сошлась с опытными книговедами, которые и смогли помочь мне познакомиться со старинными трактатами по фехтованию. Я узнала о существовании старинных итальянских трактатов 16 века А.Мороццо, К.Агриппы, Де Грасси, и иных фехтовальных мастеров эпохи позднего Ренессанса. Также я узнала о том, что за 400 лет европейское фехтование прошло большой путь развития от чисто боевого метода подготовки в веке 16-м до увлекательной гимнастической дисциплины, в которую оно превратилось уже к середине века 19-го. Знакомство с трактатами на староитальянском языке носило характер научных изысканий, но мне были известны и методом «от известного к освоению неизвестного» я смогла добиться (не без помощи знакомых филологов) стройной и хорошо понимаемой методы

освоения материалов, содержащихся в старинных трактатах. Неожиданным для меня оказалось то, что старинные приемы фехтования не были даже близко похожи на те фехтовальные комбинации, которым меня учили в спортивном фехтовании. Два года службы моего товарища по фехтованию как-то незаметно прошли (хотя он об этом был несколько иного мнения), и я была несказанно рада, что этот человек не утратил интереса к фехтованию вовсе за период нелегкого и жесткого превращения подростка во

взрослого мужчину, каковым является служба в армии. Однако тот накопленный мною опыт уже требовал очень серьезной практической подготовки в работе с напарником. Кроме того, мне удалось понять очень серьезную истину — фехтование так, как это делали мастера прошлого возможно было только на историческом оружии (или его моделях), достать которое было просто невозможно. После некоторых изысканий по поводу исторического фехтовального оружия я узнала новость, от которой мне стало очень тоскливо. Это была информация о том, что в нашем законодательстве любые манипуляции с холодным оружием (к которому относились любые неспортивные виды шпага, сабель, палашей и т.п. исторических предметов) приравниваются к преступному деянию и могут быть наказуемы уголовным порядком. Вследствие этого к концу 70-х годов из театрального реквизита были изъяты и по-большой части уничтожены все старинные шпаги сабли и т.п. предметы. Это, кстати сразу стало заметно на экранах кино и телевидения, где отечественные фехтовально-батальные сцены в различных постановках были наполнены спортивными клинками и плохо изготовленными эфесами на них, явно напоминающими элементы от люстр и светильников, побывавших в руках мастеров-бутафоров.

Наверное было бы глупо — при таких жестких законах говорить об историческом несоответствии холодного оружия на сцене и в кино. Но душа всегда

стремится к гармонии, а шпага в руке главного героя все же должна быть шпагой, а не чем-то ее отдалено напоминающим. Минорных тонов на фоне всего вышеизложенного добавляло то обстоятельство, что на страницах печати то и дело появлялись статьи, где на фотографиях были изображены улыбающиеся парни и девушки в широкополых шляпах, ботфортах со шпорами и со шпагами или саблями в руках, причем достоверность эфесов и клинков (у меня лично) ни малейшего сомнения не вызывала. Это были люди не из далеких заморских стран, а наши близкие «друзья по социалистическому лагерю» — чехи, словаки, поляки и венгры. И называлось все это, без сомнения, незнакомое нам доселе явление — историческая реконструкция. А то, что они делали со шпагами и саблями — это было не хулиганством с применением холодного оружия, нет! Это было явлением для меня новым и неизвестным — историческим фехтованием. В одной только Чехословакии с 60-х годов стали образовываться десятки коллективов. Со временем на подворьях их исторических замков и иных старинных интерьеров стали устраивать костюмированные действия, где герои — участники показывали бои на шпагах, саблях, рапирах и кинжалах, собирая массу зрителей со всех краев света. (Рекой лилось пиво и не было драк!). Увы! Об этом мы могли у себя на родине только мечтать.

Вступление в свои права на территории нашей родины исторического фехтования совпало с перестройкой. Казалось, все валится в тартарары, но и глупые ограничения тоже. К тому времени ко мне и моему напарнику примкнули еще несколько единомышленников, один из которых был талантливым мастером по металлу. Он обладал великолепным вкусом и чувством пропорции. Именно этот человек помог мне с приобретением нашей группой первых моделей исторических сабель и шпаг, на которых мне приходится работать и по сей день, уже в качестве руководителя фехтовальной студии. Если фехтование на

исторических саблях в нашем небольшом коллективе было почти сложившимся явлением, то фехтовать на исторических шпагах 16-го века было очень непривычно. Из-за массивного клинка, плоского и длинного, управление оружием было возможно лишь всей рукой, а не пальцами и кистью, как в спорте или на сабле. А добавление кинжала для левой руки-даги делало бой очень травмоопасным из-за слабой координированности

наших фехтовальщиков-энтузиастов. Но, мало-помалу мы приобретали опыт и из нестройного бряцания клинком о клинок, постепенно вырастал мягкий ровный и очень красивый рисунок боя на двойном (шпага и дага) оружии 16-17 веков. Нужно ли говорить о том, что коллектив наш не сразу, но постепенно стал обращать на себя внимание. И однажды нас заметил, а затем и предложил свою помощь человек, имя которого для меня, как фехтовальщицы было символом — Владимир Владимирович Вышпольский. Это был человек глубоко преданный великому искусству владения клинком. Чемпион многократный по трем видам

спортивного оружия, впоследствии — тренер сборной СССР по фехтованию и страстный знаток и коллекционер старинного оружия.

Увидев наше стремление к овладению старинными видами фехтования В.В.Вышпольский поддержал нашу деятельность, оказав нам необходимую правовую поддержку и познакомил с людьми, которым наша деятельность была понятна, интересна и полезна. Так я познакомилась с каскадером и постановщиком фехтовально-батальных трюков И.Крински, которому как меня, так и моих товарищей рекомендовал В.В.Вышпольский, как молодых специалистов на любом, даже остром оружии без возникновения каких-либо травматических ситуаций. С благословения В.В.Вышпольского я стала участницей разного рода показательных выступлений на фехтовальной баталистике. Странно, но я никогда не планировала сделать фехтовальное искусство средством своего существования. Однако выступления с клинком оплачивались, и свой первый гонорар я получила, имея опыт фехтовальной деятельности насчитывающий 17 лет.

Часть 3-я

Профессионалом человека делает не диплом и не репутация, а именно практическое знание всего, что относится к делу.

Не раз в жизни я наблюдала ситуации, в которых человек очень сильно о чем-то мечтающий, просто делает свое дело — четко и качественно, а обстоятельства сами со временем складываются, создавая благоприятную ситуацию. С нашим фехтовальным коллективом это обстояло именно так. Однажды при подготовке к одному из культмассовых мероприятий, в которых должны были участвовать и мы в качестве исполнителей фехтовального действия, выяснилось, что никто из конников совершенно не может сколько-нибудь прилично показать фехтование. Иными словами — с лошадью они умеют обращаться здорово, но вот с клинком — никак! А условия требовали акцента именно на пешем фехтовании, причем на историческом интерьере в Марли (Петергоф, Нижний парк). Предложение режиссера было жестким — кто проезжает на лошади, тот и должен вступить в фехтовальный бой, но пешим порядком. Конники для этого категорически не годились, поэтому обратились к имеющимся фехтовальщикам-баталистам. Так судьба предоставила шанс научиться ездить верхом. (И это совпадает с историческими реалиями — трудно было «во времена мушкетеров» найти фехтовальщика, не умеющего ездить верхом на лошади.)

Применительно к указанной выше ситуации скажу только, что мы свою задачу выполнили, и за неделю до выступления, совсем без какой-либо предварительной подготовки, были посажены в седло. Неделю спустя мы еле шевелили ногами, но на шаг сидели в седле, как заправские кавалеристы и даже немножко пытались порысать. Конечно, это теперь, годы спустя у меня вызывает улыбку, но тогда мы спасли ситуацию и не ударили в грязь лицом. В дальнейшем мы приобрели навык езды с оружием в руке, управляя лошадью одной рукой и шпорами. Дело в том, что в кино можно сделать все, и не умеющий ездить верхом актер, на экране будет лихим наездником. Это результат монтажа. А на выступлении монтажа не сделаешь и не переснимешь — все по-настоящему. Поэтому опыт выступлений на площадке, по моему мнению, является хорошей школой подготовки.

Один из инструкторов по верховой езде с хорошей кавалерийской подготовкой (срочную службу он проходил в подмосковном кавалерийском полку) изъявил

желание взять у меня курс уроков по фехтованию на исторической сабле, пешим порядком. В обмен на это предлагал мне и моим напарникам по клинку свою инструкторскую помощь в овладении искусством верховой езды. Заниматься приходилось по ночам на разных конюшнях — там, где это было возможно, но и это нас устраивало. Таким образом, я стала не только фехтовальщицей, но и наездницей с саблей в руке. Да простят меня господа спортсмены-конники, которые снисходительно улыбнутся, читая эти строки, но я никогда никому из них конкуренции не составляла. Однако, саблей на лошади они вряд-ли смогут действовать наравне со мной — тому уже много подтверждений было; люди готовы были платить деньги и платили за наши поединки с клинком на лошади. В целом, к спорту на лошади, езда с саблей имеет

такое же «близкое отношение», как современная спортивная электрорапира к старинному немецкому шлегеру или палашу (это скорее для тех, кому эта разница понятна). Словом, везде нужна своя «сноровка, закалка, тренировка» как поется в известной в 50-60 х годах песне.

Позже, в конце 80-х годов, мой ученик и инструктор по верховой езде в одном лице А.И.Лупинович стал директором КСК «Фаворит» и на культурно-массовые мероприятия ангажировал автора этих строк в качестве постановщика фехтовальных сцен в пешем и конном порядке. Жалоб на плохое качество работы я не получила ни разу. Если говорить о деятельности автора этих строк в качестве постановщика фехтовально-батальных сцен то, нужно сразу оговориться, что в кино у меня опыта работы почти нет. Там и мужчине то сложно быть каскадером, а дамам ... Правда, сейчас, два десятка лет спустя, а то и больше ситуация другая, но я описываю события тех лет, а не день сегодняшний. Но вот участие в разного рода культ-массовых мероприятиях иногда даже было интереснее любых съемок фильма.

Советский Союз, а с ним и Коммунистическая партия ушли в былое лишь в 1991 году, а до этого направляющая роль партии ощущалась во всем, несмотря на перестроечный беспорядок и анархию. Коммунисты привыкли жить ни в чем себе не отказывая и отдыхать отдельно от рядовых трудящихся, спрятавшись где-нибудь в глубине исторических усадеб, окруженных вековыми парками. Одним из таких «оазисов» номенклатурного рая был садово-парковый комплекс «Знаменка», находящийся посередине между Петергофом и Стрельной. (это сейчас Стрельна стала местом саммитов и президентских дворцов, а тогда это была убогая окраина с заброшенным дворцом и парками.) Там в Знаменке, отгороженной от остального мира зеленым и густым парком, находился дом

отдыха ВЦСПС (если не ошибаюсь), что носило характер места не для простого смертного. Дом отдыха представлял из себя довольно большой дворец кого-то из великих князей. Он был отменно отреставрирован и именно там проходили всякого рода праздники и действия, куда приглашали далеко не всех, а только очень важных лиц парт.хоз.актива или гостей интуриста — т.е. тех, кто мог безнаказанно платить валютой за все.

Само собой нас, как фехтовальщиков высокого уровня, приглашали выступать на разных площадках Знаменки. Само прогуливание в костюмах эпохи мушкетеров или Елизаветы Петровны уже оплачивалось по актерской ставке. Но основным делом была баллистика. Тут были и лихие пиратские наскоки на «ни в чем неповинных» экскурсантов (из «партхозовиков» и иностранцев, конечно), прогуливающих по аллеям парка. (Эффект иногда превосходил задуманное, но об этом как-нибудь в другой раз.) И схватки двух героев за сердце дамы, и ограбление едущей кареты. Причем, на уровне всех остальных номеров — наши всегда брали самую высшую категорию бонитета. Ни цыгане с медведями, ни балет на плавающем в озере плоту, ни танцы, по отзывам наших зрителей так нервов им не щекотали, как выступления трюковых фехтовальщиков. Некоторые из фехтовальщиков сегодняшнего дня скривятся в презрительной ухмылке — вот ведь чем хвастается — перед партийными бонзами плясала, а это лакейство, право-дело! На это отвечу только одно — я исполняла свою работу. А работа моя заключалась в строгом и точном исполнении боя на холодном оружии разных стилей и эпох, в костюме разумеется. Кого-попало фехтовать на такие выступления не приглашали — время PR еще не наступило, а коммунисты, как и иностранцы привыкли иметь дело с высшим качеством во всем, кстати, за что и платили неплохо.

Пусть человек, меня подвергший осуждению, возьмет в руки клинок и попытается заработать фехтовальным искусством хотя бы себе на обед. Если у него это получится — он имеет право судить, если нет — пусть свое мнение держит при себе. Не ему меня судить и не моих товарищей по клинку. Много разных действий хранит в недрах своего парка Знаменка — этот уединенный уголок, где столько раз скрещивала я клинок со своими друзьями-фехтовальщиками во славу нашего древнего искусства владения холодным оружием. Но всему — и хорошему и плохому приходит конец. В августе 1991 года произошел путч, рухнула несокрушимая коммунистическая партия, и к власти пришли «демократы». (Эти последние только что побросали свои партбилеты подальше и начав хватать все без меры и разбора, даже не заметили, как развалили страну, да и на эту страну им было совсем наплевать). Вместе с рухнувшей экономикой стало очень сложно жить честным трудом. Вокруг останавливались фабрики и заводы, пропадали продукты и товары. Профессионализм стал не в чести. Зато в чести стало перепродать подороже, купив подешевле. Дельцы разных мастей стали заниматься самой отвратительной спекуляцией именуя все это красивым словом — «бизнес». На этой мутной и грязной волне всплыли многие из тех, кто в нормальной, обустроенной жизни тихо покоился на «дне», не поднимаясь на

поверхность. Что касается великого искусства исторического фехтования, то оно отнюдь не прекратило своего развития, но приобрело свои новые формы. В обществе, живущем по принципу «все сразу и сейчас!» трудно найти место Искусству, которое требует времени, очень много любви к себе, и Усердия. Усердия на многие годы ...

Друзья мои — фехтовальщики, трюковые бойцы из нашего коллектива не все «удержались в седле» на крутых перепадах жизненного пути. От пули наемного убийцы погиб мой ученик и мой же учитель верховой езды А.И.Лупинович. Не выдержало сердце у соратника Н.В.Чугунова, умершего в 1998 году. Его ученики — Р.Каприлов и С.Мишенев организовали свои собственные фехтовальные коллективы, в которых продолжают заниматься фехтованием без лампочек и проводов.

Здоровье подвело и автора этих строк. После страшной аварии на шоссе СПб-Таллинн, где я чудом осталась в живых с массой переломов и рваных ран, пришлось оставить занятия практическим фехтованием. 5 лет мне не удавалось вернуться к нормальной фехтовальной форме и только летом 1998 года я вновь смогла взять клинок в руку, а ногу продеть в стремя. К тому времени из моих бывших напарников остался лишь один. Это мой одноклассник, с которым мы фехтовали в Удельнинском парке. Но жизнь его изменила — он увлекся баскетболом и сейчас работает тренером в спортивной школе. Взять клинок в руки не спешит, время сделало его медлительным, малоподвижным и очень грузным. Любовь к фехтованию в нем совсем не угасла, но уступила свое первенство баскетбольной команде мальчишек, которую он растит и лелеет, как свое любимое дитя. От романтика-юноши в нем уже ничего не осталось, как и от трюкового фехтовальщика. Видеть мне это больно, но поделать уже ничего нельзя. Такова жизнь.

А жизнь идет своим чередом — и Добру и Злу свое время и место. Если твое сердце не утратило тяги к клинку — найди в себе силы начать все с начала. Тем более, что есть теоретическая, а кроме того — практическая база. Наверняка, поблизости есть люди, которым очень нужен твой опыт, несмотря на то, что за окном век 21-й уже не один год. Верится, что славное искусство исторического фехтования найдет своего почитателя и не будет утратой истории. Следует только делать свое дело, без спешки и буффонады. Тогда люди увидят это и оценят по достоинству. А оценив — придут к мастеру. И будет новая жизнь ...

AGE QUOD AGIS
1998-2007 годы
В.Мацевская

Глава 2-я: Из воспоминаний учеников Ванды Владимировны

“Правильный путь таков: усвой то, что сделали твои предшественники, и иди дальше”
/ Л.Н.Толстой /

Воспоминания о Ванде Мацеевской членов руководящего состава студии европейского историко-сценического фехтования «Силуэт».

Если когда-нибудь меня спросят, кто такой фехтмейстер, я скажу – это мой учитель, Ванда Владимировна Мацеевская. Мне неизвестны люди, которые были, если не одержимы, то фанатично преданы идее благородного искусства фехтования, люди, имеющие такой же колоссальный опыт и познания в фехтовании, как Ванда Владимировна, люди, отдающие себя полностью шпаге и ботфортам, ценящие звон клинка и шпор превыше многих других современных идеалов и предпочитающие полевой костер домашнему комфорту.

Человек, искренне любящий свое дело, не может не достичь высоких ступеней познания фехтования, а для Ванды Владимировны увлечение шпагой переросло из обычного хобби в профессию очень давно. Больше сорока лет Ванда Владимировна посвятила изучению истории и техники фехтования, как она сама описывала свой опыт в мемуарах, и значительную часть этого времени она отдала своим ученикам. «Нет школы и нет учителя, если нет тех, кто пронесет это знание и умение сквозь время», говаривала она. И ведь правда – школа будет позабыта, если она не оставит после себя последователей.

Школа Ванды Владимировны Мацеевской, как особенный и легко узнаваемый почерк среди общей массы увлекающихся фехтованием, осталась в тех, кто смог пройти тяжелую и изнурительную подготовку под её началом. Мне известно лишь несколько человек, которые смогли продержаться достаточно долго, чтобы выучиться настолько, что их фехтовальный стиль стал их визитной карточкой в небольшом, но широко известном в узких кругах обществе истинных ценителей шпаги.

«Нам не нужно говорить, откуда Вы. Мы это видим. Вы учились у Мацеевской!», — встречают таких людей в фехтовальных залах иногда после первого поединка, а иногда даже и после приветственного салюта. Но даже те, кто «недотерпел» до финального экзамена, имели уже такую подготовку, которая позволяла им встречаться в дружеских поединках с достаточно опытными фехтовальщиками и не ударить в грязь лицом.

Путь Ванды Владимировны на фехтовальном поприще долог, тернист, но полон колоссального и бесценного опыта. Огромное количество сценических выступлений, участия в культурно-массовых мероприятиях в составе её клуба «Драбант», настоящих дуэлей с кровью на шпагах и саблях, верховых поединках и съемок в художественных фильмах сопровождали дорогу её фехтовальной жизни. Где-то одна, где-то с друзьями и

знакомыми, которых у неё было немного, Ванда Владимировна шла по ней с оружием наперевес, и никогда её рука, в которой шпага ли, сабля ли, не подводила.

Проводя фехтовальные занятия, Ванда Владимировна была строга к себе и к тем, кого она учила. Многому её научил боевой опыт, и все знания и принципы, которые она преподавала, были основаны не на теории, а на, буквально, кровавой практике. Благодаря её неусыпному надзору ни на одном занятии не было ни одного травмоопасного случая. Если она давала какое-либо упражнение, пусть даже самое простое, она требовала неукоснительного его исполнения, порой доводя учеников до слез и кровавых мозолей. Во всем фехтовальном мире она имела репутацию очень строгого и требовательного, но мудрого фехтмейстера. Больше сотни людей прошли через её жесткие, но опытные руки, и лишь немногие, кто сумел преодолеть все трудности обучения и смог разглядеть за изнурительными занятиями истинную их ценность, может сейчас искренне и открыто высказать слова благодарности за то время, которое Ванда Владимировна посвятила именно им. Один из таких людей – Ваш покорный слуга.

Мое знакомство с Вандой Владимировной произошло после одного из полевых фехтовальных мероприятий. Тогда, сидя в креслах и рассеянно слушая то, что предлагала она, я и представления не имел, каким образом изменится вся моя жизнь. Тогда, в окружении интересной мебели, старинного оружия и гравюр из древних фехтовальных трактатов я не понимал, насколько важна будет для меня эта информация и знания в будущем.

Однако всё пошло с первого урока. Тяжелые занятия по 4-5 часов, суровая зима (тренировки проводились на открытом воздухе в любое время года и погоду), жаркое лето, и через год мы вместе с другими учениками принимаем решение создать собственную фехтовальную группу со своим именем. Так появилась Студия европейского историко-сценического фехтования «Силуэт».

В следующие несколько лет Ванда Владимировна всё свободное время отдавала развитию Студии, подготовке методических материалов, анализу староитальянских трактатов по фехтованию, проработке трюковой и сценической подготовки, верховым занятиям, а также тщательнейшему и строжайшему персональному наблюдению за фехтовальным ростом каждого из членов Студии. Имея в своем арсенале огромный теоретический и практический материал, уникальное и лучшее в городе техническое оснащение, красивейшее оружие и сшитые собственными руками костюмы, Студия Силуэт под неустанным руководством Мацевской принимала участие во множестве культурно-массовых мероприятий, съемках художественных и документальных фильмов, телепередач, фото и видеопроектов.

Вплоть до самого ухода из жизни Ванда Владимировна проводила занятия, готовила материалы и упражнения для фехтовальных занятий, писала мемуары и научные работы по книгам о европейском фехтовании. Через руки Мацевской прошло множество достойных учеников и к каждому она находила персональный подход, позволяющий полностью реализовать их физические возможности. Некоторые из учеников, если и не стали её последователями, то, получив огромный фехтовальный опыт, стали продолжать свою фехтовальную деятельность самостоятельно. Наша цель состоит в том, чтобы сохранить и преумножить ту память, которую Ванда Владимировна передала нам через свою непобедимую шпагу, оставить нашим последователям тот опыт, который мы получили благодаря её стараниям, и, в свою очередь, приложить все усилия для того,

чтобы наши ученики получили самое лучшее, самое прекрасное из того, чему Ванда Владимировна была предана всю свою жизнь – благородному искусству фехтования.

С уважением и благодарностью, Артём Drake Шабанов.

_

Волею случая в мае 2005 года я попала на праздник исторического фехтования, приуроченный ко Дню города, который проходил во дворе Музея Артиллерии (г.СПб). Там я познакомилась с Вандой Владимировной.

Мне нравились индивидуальные занятия на природе в Шуваловском парке у озера. Здесь я почувствовала главное: есть человек, который сильно стремится передать свой опыт другим, есть я, тот который очень хочет перенять этот опыт.

Ванда Владимировна точно чувствовала какую степень физ.нагрузки можно мне дать, ведь сначала нужно было подготовить тело, как говорится «накачать фехтовальные мышцы». Я видела красивые и точные движения оружием, и я явно ощущала, что я учусь у профессионала своего дела.

И теперь, спустя несколько лет, и у меня есть сильное желание передать мои знания, мое понимание фехтования другим, тем кому это интересно. Ведь, за просто интересом может стоять сильное желание стать профессионалом. И тогда у человека приходит понимание того, что этому можно учиться в течении всей жизни.

Рубцова Галина

Глава 3-я: Стихи Ванды Владимировны

*Увидеть мир в одной песчинке
и космос весь — в лесной травинке!
Вместить в ладоне бесконечность
и в миге мимолетном вечность!
/ Уильям Блейк /*

******_

Многоцветная пряжа Судьбы моей звездам открыта.
Подарило мне небо удел, чтобы жить не как все.
Каждый цвет в этой пряже веленьем Орбиты
Отразился оттенком на жизни моей полосе.

Бытия моего многоцветная, пестрая пряжа –
Беспокойство, достаток, безденежье, радость и грусть –

Все сплелось воедино, лишь цвет о событиях укажет.
Время вяжет Добро, как и Зло в нить единую. Пусть.

Мне за счастьем идти повезло по тропинке тернистой.
Пережить радость встреч и любви пить хмельное вино,
Править тризны потерь и решать за себя и, к несчастью, за близких –
Уж не знаю, какой мне за это финал пережить суждено.

Оглянуться, вернуть!.. Но не та, все не та остановка.
Безвозвратны – а жаль! – те, далекие ныне года.
Остро чувство: я стала другой. И душой и походкой.
Повстречав в городской суете, не узнаешь меня никогда.

Даже если во двор твой вхожу. Сердце так не трепещет – устало.
А ведь, помню, оно из груди вырывалось тогда.
Если вспомнить – хорошего, в общем-то было меж нами немало.
Или, может, из памяти черное попросту стерли года.

Ах! Виною всему моя страсть к эксклюзивности быта!
Но не я – это звезды мне дали Судьбу, мол, живи не как все.
Многоцветная пряжа судьбы моей звездам открыта,
Мне же знать не дано, на какой оборвется она полосе...

1995 год

******_

Посвящается К.П. Туманову – тренеру

Я училась фехтованию на рапирах в клубе СКА
И на все иные клубы я смотрела свысока
Я нередко вспоминаю на Кленовой наш спортзал
И Туманова-тирана что нещадно муштровал
Приходилось – ох! – несладко, но любил он говорить:
«Без технической «подкладки» можешь кровь, не пот пролить!»
И не только пот, а слезы проливали я порой
От досады, от угрозы, что прогонит он домой
Ныне Богу благодарна за тиранство старика –
Фехтования четкий «почерк» – это стиль рапиры СКА!
_

Ноктюрн

Осень, ночь. На небе звезды.
Площадь гулка и пуста.
Ш пиль, брусчатка переулка.
По воде – дуга моста.
Волны плещут чередою
В серый вымытый гранит,
Сфинкса лапы омывая,
Что в раздумии сидит.
Дивен в дымке предрассветной
Шорох листьев, шум ветвей,
Шепот волн, оград узоры,
Буйство красок среди аллей.
Вот уж в мгlistом небосводе
Блик зари – рождение дня,
И несмело, тихо тает
Желтый нимб у фонаря. *Сентябрь-
март 2004г.*

******_

Друзьям-соратникам по клинку и седлу.

Благословенно будь то время,
Когда, эпохе вопреки,
Звенел палаш о лево стремя
И лошадь слушалась руки.
Прекрасны те мгновенья, звуки,
Когда сшибаются клинки.
От пота липнут в крагах руки
И кожа жесткая луки.
Все наяву, как в том преданьи,
Где правда дерзка и проста –
Свет факелов и коней ржанье,
И цепь подъемного моста.
Вокруг ботфорты, шляпы, свечи,
И шпор малинов перезвон;
Галантность жестов, дивность речи –
Мы узнаем себя с трудом.
О, небо! Будто три столетия
На время отступили вспять.
И мне приятно камень хладный
Крутых ступенек попирать.

Точка зрения

Мы все закованы в Законы
И по рукам и по ногам
И, потому, легко бывает
И просто плюнуть в душу нам.
Как ни вертись, а отмываться
Всегда приходится тому
В кого плевали; это гадко,
Но делать нечего ему...

Начнешь по своему квитаться –
Попасть рискуешь под закон.
И даже очень может стать,
Что по тебе ударит он.

Ах! Ненадолго ощутить бы
Нам аромат эпохи той,
Когда любого негодяя
Мог покарать отмщенья бой!

Январь 1996 г.

******_

Confiteor *

Живу теперь в большом стремлени
К немногогрешности бытия
Чтоб лишний раз не гневать Бога,
Коль в прошлом очень грешна я.
Меня оставил Искуситель
И Бахус редко бесит кровь
Весь сонм соблазнов жизни этой
Уже не ту играет роль.
Нет, я душой не охладела,
Но лишь чувствительней сужу
Свои поступки; новой мерой
В иную степень возвожу.
За все, что прежде совершила,
Наступит час расплаты в срок;
Над одинокою могилой
Едва ли кто всплакнет в платок.
Одних оставила в бореньи,
Иные бросили меня,
Но не утратила надежды
На радость завтрашнего дня.

Я здесь своя, нет, не туристка.
Я – современница сих стен!
И сердцу, право, очень близки
Молитвы тех, кто канул в тлен.

Держу себя без остановки в трудах
И вижу пользу в том;
К воскресной мессе благородной
Ступаю с радостью в сей Дом.

Все в прошлом. Ныне жизнь другая.
Мы разбрелись по сторонам.
На стенке сабля удалая,
Да и в седло не по годам.

Нет маяты мирской. Где вечность
Свой мерный правит ритуал.
Есть время взвесить, подытожить
Что в суете не осознал.

Еще, быть может, соберемся
И выпьем пенное вино,
Но лихость, шарм и безмятежность
Тех дней вернуть нам мудрено.

Звучит орган в высоких сводах
Здесь всяк пред Богом распростерт
Звучат молитвы всем приходом –
Единством братьев и сестер.

Август 1996 г.
******_

Один лишь раз, случайно может,
И все же – странные дела!
Однажды вместо «Матерь Божья»
Твое я имя назвала...

Июнь 1996г.
* Confiteor (лат.) – исповедуюсь
******_

Я никого не приглашу
Я никого не приглашу
К себе на день рожденья.
В душе своей поостужу
Надежды и стремленья.
Коль невозможно быть вдвоем
С Тобой – других не надо!
И одиночество в сей день
Пусть будет мне отрадой.
Припомню былль минувших дней,
Печаль, тревоги, счастье.
Я, может быть, уйду бродить
По городу в ненастье.
Когда-то здесь и мы с тобой
Бродили по аллеям,
Мечтали, бились в унисон
Сердца, друг-друга грея.
Потом домой вернусь, в уют,
За стол под абажуром,
И скромный праздник проведу
С лицом совсем не хмурым.

Ты уходишь...
Ты уходишь.
Пуст наш дом. Надолго.
Полагаю, даже, навсегда...
Грустной и бесцельной вереницей
Предстают грядущие года.
Ощущенье пустоты гнетущий
Не уходит, даже понемногу.
Утро... Пробужденье – это мука;
День сулит бесцельную дорогу. Все еще
надеюсь (машинально,
По инерции), что скоро Ты придешь.
Сердцу все же легче, не так больно
Верить в эту сладостную ложь.
Mea culpa! * Впрочем же, не важно,
Кто из нас виновен, кто в правах.
Безразличья ледяную бездну
Углядела я в Твоих глазах...

28.10.02

Подняв шампанского бокал,
Зажгу в шандалах свечи.
А может, просто лягу спать
Пораньше в этот вечер.
Коль не выходит быть с Тобой,
Ну что ж — других не надо.
И одиночество мое
Пусть будет мне в отраду.

Mea culpa! (лат.) – по моей вине!

Октябрь 2003г.

Заключение

*“ Это невозможно — сказала Причина
Это безрассудство — заметил Опыт
Это бесполезно — отрезала Гордость
Попробуй — шепнула Мечта
/ Осип Мандельштам /*

_

Раз есть школы фехтования, значит будут и будущие учителя.
Да здравствует вечное искусство фехтования !!!

Студия европейского историко-сценического фехтования «Силуэт»

Siluet.spb.ru

г. Санкт-Петербург 2015